

ПРИБРЕЖНЫЙ ПИРАТ*

I

Эта невероятная история начинается на сказочно-синем море, ярком, словно голубой шелк чулка, под небом голубым, словно глаза ребенка. Солнце с запада пускало маленьких зайчиков по воде и, если внимательно присмотреться, можно было заметить, как они прыгают с волны на волну, постепенно собираясь в широкое золотое монисто за полмили отсюда, понемногу превращаясь в ослепительно-яркий закат. Где-то между этим золотым монисто и побережьем Флориды бросила якорь элегантная новенькая паровая яхта. На плетеном канаве, стоявшем на корме под навесом, полулежала светловолосая девушка, читавшая «Восстание ангелов» Анатоля Франса.

Ей было девятнадцать, она была стройна и гибка, ее рот был чарующе капризен, а живые серые глаза светились умом. Ноги без чулок — зато украшенные беззаботно свисавшими с мысков голубыми сатиновыми шлепанцами — она закинула на ручку соседнего канаве. Читая, она периодически причащалась половинкой лимона, которую держала в руке. Другая половинка, совсем выжатая, валялась на палубе рядом с ее ногой, медленно перекатываясь с боку на бок под действием почти неощутимых волн.

Вторая половинка лимона почти уже лишилась мякоти, а золотое монисто значительно увеличилось в размерах к тому моменту, когда сонную тишину, окутавшую яхту, неожиданно нарушил громкий звук шагов и на трапе появился увенчанный аккуратной седой шевелюрой пожилой человек в белом фланелевом костюме. Он на мгновение остановился, ожидая, пока глаза привык-

* Перевод. А. Руднев.

нут к солнечному свету, а затем, разглядев девушку под навесом, что-то неодобрительно проворчал.

Если таким образом он хотел вызвать какую-либо реакцию, то был обречен на провал. Девушка спокойно перевернула пару страниц, затем перевернула одну страничку обратно, не глядя поднесла лимон ко рту и еле слышно, но совершенно отчетливо — зевнула.

— Ардита! — сурово произнес седой человек.

Ардита издала краткий неопределенный звук.

— Ардита! — повторил он. — Ардита!!

Ардита лениво поднесла лимон ко рту, откуда выскользнуло одно лишь слово перед тем, как лимон коснулся языка.

— Отстань.

— Ардита!

— Что?

— Ты будешь меня слушать — или я должен позвать слугу, чтобы он тебя держал, пока я буду говорить?

Лимон нарочито медленно опустился.

— Изложи все на бумаге.

— Хватит у тебя совести закрыть эту отвратительную книгу и отбросить этот проклятый лимон, хотя бы на две минуты?

— А ты хоть на секунду можешь оставить меня в покое?

— Ардита, только что мне телефонировали с берега...

— Тут есть телефон? — она впервые проявила слабый интерес.

— Да, так вот...

— Ты хочешь сказать, — изумленно перебила она, — что тебе позволили протянуть сюда кабель?

— Да, и только что...

— А другие лодки не натолкнутся на него?

— Нет, он проходит по дну. Пять мин...

— Вот это да! Будь я проклята! Черт побери! Золотые плоды прогресса, или как там это... Вот это да!

— Позволишь ты мне наконец досказать то, что я начал?

— Валяй!

— Ну, так вот... Похоже... — он сделал паузу и несколько раз в смятении сглотнул. — Да. Юная дева, мне кажется, что полковник Морлэнд позвонил только затем, чтобы напомнить о том, что сегодня мы оба обедаем у него. Его сын Тоби приехал из Нью-Йорка специально, чтобы с тобой познакомиться; кроме того, на обед приглашена и другая молодежь. Последний раз я спрашиваю...

— Нет, — коротко ответила Ардита. — Я не поеду. Я присоединилась к этому чертову круизу с единственной целью — попасть в Палм-Бич, и ты прекрасно это знаешь, и я наотрез отказываюсь знакомиться со всякими чертовыми старыми полковниками, с любыми чертовыми молодыми Тоби, со всей этой чертовой молодежью, и ноги моей не будет на этой чертовой земле этого идиотского штата. Поэтому ты либо везешь меня в Палм-Бич, либо закрываешь рот и проваливаешь отсюда!

— Очень хорошо. Мое терпение лопнуло. В своем страстном увлечении этим человеком — человеком, печально известном своими дебошами, человеком, которому твой отец не позволил бы даже произнести твое имя — ты скорее походишь на даму полусвета, нежели на леди из тех кругов общества, в которых ты — предположительно — воспитывалась. Отныне...

— Я знаю, — иронично перебила его Ардита. — Отныне ты идешь своей дорогой, а я шагаю своей! Это я уже слышала. Ты знаешь, что мне ничего другого и не надо.

— Отныне, — высокопарно объявил он, — ты мне больше не племянница! Я...

— О-о-о!!! — Ардита издала крик, похожий на агонию грешной души. — Когда ты прекратишь мне надоедать! Когда же ты, наконец, пойдешь своей дорогой? Когда же ты прыгнешь за борт и утонешь? Ты хочешь, чтобы я запустила в тебя этой книгой?

— Если ты осмелишься сделать что-либо...

Шмяк! «Восстание ангелов» поднялось в воздух, лишь на дюйм отклонилось от цели и громко бухнулось на трап.

Седой мужчина инстинктивно сделал шаг назад и затем два осторожных шажка вперед. Ардита вскочила на ноги и дерзко уставилась на него; ее серые глаза горели бешенством.

— Не подходи!

— Да как ты могла! — воскликнул он.

— Да так и смогла!

— Ты стала невыносимой! Твой характер...

— Это ты заставил меня стать такой! Ни у одного ребенка никогда не было плохого характера с рождения, виноваты только воспитатели! Чем бы я ни стала — во всем виноват ты!

Пробормотав что-то неразборчивое, дядя развернулся и, войдя в рубку, крикнул, чтобы подавали обед. Затем он вернулся к навесу, под которым, снова всецело поглощенная лимоном, устроилась Ардита.

— Я собираюсь на берег, — медленно произнес он. — В девять вечера. Когда я вернусь, мы пойдем обратно в Нью-Йорк, где я верну тебя твоей тетке до конца твоей естественной — или, скорее, неестественной, — жизни.

Он замолчал и взглянул на нее; ему сразу же бросилась в глаза ее неуловимая детскость, которая проколола его раздражение, как раздутую шину, и он почувствовал свою беспомощность, неуверенность и всю глупость ситуации.

— Ардита, — сказал он, уже забыв обиду. — Я не дурак. Я знаю жизнь. Я знаю людей. Дитя мое, люди с репутацией распутников не меняются до тех пор, пока не устанут от самих себя — а затем они уже не они — они всего лишь жалкое подобие самих себя, — он взглянул на нее, ища одобрения, но не услышал в ответ ни звука, и продолжил:

— Возможно, этот человек тебя любит — может быть. Он любил многих женщин, и он будет любить

еще многих. Месяца еще не прошло, Ардита, с тех пор, как он попал в печально известную историю с рыженькой Мими Мерил; посулил ей золотой браслет, который русский царь якобы подарил его матери. Ты все знаешь — ты же читала газеты.

— Захватывающие сплетни в исполнении беспокойного дядюшки, — зевнула Ардита. — Снимем про это кино. Злой гуляка строит глазки целомудренной девочке. Целомудренная девочка окончательно соблазнится его кошмарным прошлым. Планирует встретиться с ним в Палм-Бич. Их планы расстраивает беспокойный дядюшка.

— Ты хотя бы можешь сказать, какого черта ты решила выйти за него?

— Уверена — я не смогу этого объяснить, — кратко ответила Ардита. — Возможно, потому, что он — единственный мужчина, плохой или хороший, у которого достаточно воображения и смелости, чтобы жить по своим убеждениям. Может быть, для того, чтобы отгородиться от молодых кретинов, тратящих все свое время на преследование меня по всей стране. А что касается русского браслета, то по этому поводу ты уже можешь быть спокоен. В Палм-Бич он подарит его мне, если ты продемонстрируешь хоть капелюшку здравого смысла.

— А как насчет той — рыженькой?

— Он не встречался с ней уже шесть месяцев, — гневно возразила она. — Не думаешь ли ты, что у меня недостаточно гордости, чтобы следить за такими вещами? Неужели тебе еще не понятно, что я могу делать что угодно с кем угодно, лишь бы мне этого хотелось?

Она гордо, как статуя «Пробуждение Франции», задрала подбородок, но затем испортила всю картину, выставив вперед руку с лимоном.

— Тебя так пленил этот русский браслет?

— Нет, я всего лишь стараюсь предложить тебе аргумент, который может показаться тебе весомым. Я хочу,

чтобы ты от меня отстал, — сказала она, и снова ее тон стал повышаться.

— Ты знаешь, что я никогда не меняю своих решений. Ты пилишь меня уже три дня, я уже начинаю сходить с ума. Я не поеду с тобой на берег! Не поеду! Слышишь? Не поеду!

— Очень хорошо, — сказал он, — но ты не поедешь и в Палм-Бич. Из всех себялюбивых, избалованных, неуправляемых, сварливых и невозможных девчонок, которых я когда-либо...

Плюх! Половинка лимона ударилась о его шею. Одновременно с другого борта раздался крик:

— Обед готов, мистер Фарнэм!

Неспособный от ярости говорить, мистер Фарнэм бросил единственный, совершенно уничтожающий взгляд на свою племянницу, отвернулся и быстро сбежал по трапу.

II

Пятый час скатился с солнца и бесшумно плюхнулся в море. Золотое монисто превратилось в сияющий остров; слабый бриз, игравший краями навеса и качавший единственный свисавший с ноги шлепанец, неожиданно принес с собой песню. Стройный хор мужских голосов пел под аккомпанемент двигавшихся в едином ритме, рассекавших морскую воду весел. Ардита подняла голову и прислушалась.

Горох и морковь,
Колено бобов,
Свинки и кровь.
Парень милый!

Дуй, ветер, вновь!
Дуй, ветер, вновь!
Дуй, ветер, вновь!
Со всей силы!

Брови Ардиты поднялись от изумления. Она тихо сидела и внимательно слушала начало второго куплета.

Лук-исполин,
Маршалл и Дин,
Голдберг и Грин,
И Кастилло!

Дуй, ветер, вновь!
Дуй, ветер, вновь!
Дуй, ветер, вновь!
Со всей силы!

Она с восклицанием отбросила книгу, упавшую в раскрытом виде на палубу, и поспешила к борту. Совсем близко шла большая шлюпка, в которой было семь человек: шестеро гребли, еще один стоял во весь рост на корме и дирижировал, размахивая палочкой.

Камни и соль,
Омар, алкоголь,
Взял си-бемоль
Я на вилах.

Дирижер заметил перегнувшуюся через борт и завожженную странностью текста Ардиту. Он быстро махнул палочкой, и пение в то же мгновение прекратилось. Она заметила, что все гребцы были неграми, а он был единственным белым на лодке.

— Эй, на «Нарциссе»! — вежливо крикнул он.

— В чем соль этого диссонанса? — смеясь, спросила Ардита. — Вы из спортклуба окружной психушки?

В этот момент лодка коснулась борта яхты и огромный неуклюжий негр в бабочке повернулся и схватил веревочный трап. Затем, прежде чем Ардита осознала, что происходит, дирижер покинул свое место на корме, взобрался на борт и, задыхаясь, встал перед ней на корме.

— Женщин и детей не трогать! — живо закричал он. — Всех плакс утопить, мужчин сковать цепями!

Изумленная Ардита засунула руки в карманы платья и усталилась на него, лишившись дара речи.

Он был молод, у него на губах играла презрительная усмешка, а на чувственном загорелом лице сияли голубые глаза невинного ребенка. Вьющиеся от влажности волосы были черны, как смоль — ни дать ни взять волосы греческой статуи, выкрашенной в брюнета. Он был хорошо сложен, элегантно одет и грациозен, как спортсмен.

— Ну, провалиться мне на месте! — ошеломленно сказала она.

Они холодно посмотрели друг на друга.

— Вы сдаете корабль?

— Это приступ остроумия? — поинтересовалась Ардита. — Вы с детства идиот — или еще только собираетесь в какую-нибудь лечебницу?

— Я спрашиваю, сдаете ли вы корабль?

— Я думала, что в стране сухой закон и спиртное достать нельзя, — презрительно сказала Ардита. — Вы пили политуру? Лучше покиньте эту яхту!

— Да что вы говорите, — голос молодого человека звучал скептически.

— Убирайтесь с яхты! Вы слышите меня?!

Мгновение он смотрел на нее, как будто осмысливая сказанное.

— Нет, — его рот презрительно искривился. — Нет, я не сойду с яхты. С нее сойдете вы, если вам так хочется.

Подойдя к борту, он подал отрывистую команду, и в то же мгновение все гребцы вскарабкались по трапу и выстроились перед ним в шеренгу, угольно-черные и темно-коричневые с одного края и миниатюрный мулат ростом четыре фута с небольшим — с другого. Все они были одеты в одинаковые голубые костюмы, покрытые пылью, с пятнами высохшей тины, кое-где порванные. За плечом у каждого свисал маленький, выглядевший очень тяжелым, белый мешок, а в руках все

держали большие черные футляры, в которых, по всей вероятности, должны были находиться музыкальные инструменты.

— Внимание! — скомандовал молодой человек, звонко клацнув собственными каблуками. — Равняйся! Смир-но! Бэйб, шаг вперед!

Самый маленький негр быстро шагнул из строя и отдал честь.

— Есть, сэр!

— Назначаешься старшим! Спуститься в трюм, захватить команду и всех связать — всех, кроме судового механика. Привести его ко мне... Так... И сложить сумки здесь, у борта.

— Есть, сэр!

Бэйб снова отдал честь и, развернувшись, собрал вокруг себя оставшихся пятерых. Они шепотом посовещались и бесшумно, гуськом, пошли вниз по трапу.

— А теперь, — весело сказал молодой человек Ардите, ставшей немой свидетельницей последней сцены, — если вы поклянетесь своей эмансипированной честью — которая, скорее всего, не дорого стоит — что вы не откроете ваш капризный ротик в течение сорока восьми часов, то можете взять нашу шлюпку и грести на берег.

— А что в противном случае?

— В противном случае вам придется идти с нами в море на корабле.

С легким вздохом облегчения от того, что первое напряжение исчезло, молодой человек занял недавно освобожденное Ардитой канапе и медленно потянулся. Его губы понимающе ухмыльнулись, когда он огляделся вокруг и заметил дорогой полосатый навес, полированную латунь и роскошную оснастку палубы. Его взгляд упал на книгу, а затем и на выжатый лимон.

— Хм, — сказал он, — оппозиционер Джексон заявлял, что лимонный сок проясняет голову. Ваша голова достаточно ясна?

Ардита не снизила до ответа.

— Спрашиваю потому, что в течение ближайших пяти минут вам предстоит принять ясное решение: либо остаться, либо покинуть судно.

Он поднял книгу и с любопытством ее раскрыл.

— «Восстание ангелов». Звучит заманчиво. Французская, вот как? — он с новым интересом уставился на нее. — Вы француженка?

— Нет.

— Как вас зовут?

— Фарнэм.

— А имя?

— Ардита Фарнэм.

— Что ж, Ардита, нет никакого смысла вот так вот здесь стоять и морщить лобик. Вы должны расстаться с этой нервической привычкой, пока еще молоды. Лучше идите сюда и присядьте.

Ардита достала из кармана резной нефритовый портсигар, вытянула из него сигарету и закурила, стараясь казаться спокойной, несмотря на то, что ее руки слегка дрожали. Затем она грациозно прошла по палубе, уселась на другом канаве и выпустила дым изо рта.

— Вам не удастся выгнать меня с яхты, — уверенно произнесла она, — и вы напрасно думаете, что вы здесь надолго задержитесь. Мой дядя в половине седьмого вызовет сюда по радио весь флот.

— Ну-ну...

Она бросила на него быстрый взгляд и уловила беспокойство, на мгновение ясно проступившее в опустившихся уголках его рта.

— Мне все равно, — сказала она, пожав плечами. — Это не моя яхта. Я ничего не имею против небольшого часового круиза. Я даже подарю вам эту книгу, чтобы вам было чем заняться на пограничном катере, который доставит вас в Синг-Синг.

Он презрительно рассмеялся.

— Если это — ваш единственный аргумент, то можно было даже не трудиться об этом говорить. Это всего лишь часть плана, разработанного задолго до того, как я узнал, что на свете существует эта яхта. Если бы ее не было, то была бы какая-нибудь другая, их у этого побережья предостаточно.

— Кто вы такой? — неожиданно спросила Ардита. — И что вам нужно?

— Вы решили не плыть на берег?

— Я об этом и не думала.

— Нас обычно называют, — сказал он, — всех семерых, конечно — «Картис Карлиль и шесть черных малышей», мы недавно выступали в «Уинтер-Гарден» и «Миднайт-Фролик».

— Вы музыканты?

— Да, были, до сегодняшнего дня. В данный момент, по милости вот этих вот белых сумок, которые вы видите перед собой, мы — беглецы от закона, и если награда за нашу поимку еще не достигла двадцати тысяч долларов, то я сильно ошибаюсь.

— А что в сумках? — с любопытством спросила Ардита.

— Ну, — сказал он, — давайте назовем это песком... Пусть пока это будет обычный флоридский песок.

III

Спустя десять минут после беседы Картиса Карлиля и испуганного судового механика яхта «Нарцисс», уже на всех парах, шла на юг сквозь нежные тропические сумерки. Миниатюрный мулат Бэйб, пользовавшийся, по-видимому, полным доверием Карлиля, взял командование на себя. Кок, а также камердинер мистера Фарнэма, единственные оказавшие сопротивление из всего экипажа (если не считать механика), теперь получили достаточно времени для пересмотра своего решения, оказавшись крепко привязанными к собственным